

ORIENS ALITER

Časopis pro kulturu a dějiny střední a východní Evropy

1/2014

ЧЕШСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОСТРОВА В РОССИИ – ВЕТКИ ИСТОРИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Чешские поселения на территории давней Российской империи были предметом внимания целого ряда историков, этнографов и других ученых: чешских, российских, украинских, а в последнее время и белорусских. Между тем чешские говоры, возникшие в этих анклавах и отчасти сохранившиеся по настоящее время, до сих пор недостаточно описаны. Относительно подробно освещен пока лишь диалект волинских чехов. Одну из его манифестаций, говор села Малая Зубовщина Коростенского района Житомирской области Украины, охарактеризовала в общих чертах еще З. И. Мячина в 1960-70-е годы.¹ После массового возвращения в начале 1990-х годов остатков чешского населения этих мест, оказавшихся в зоне Чернобыльской катастрофы, на историческую родину данный диалект, видимо, перестал активно функционировать в ареале, где он сформировался как переселенческий, в связи с чем работу по его описанию продолжили уже исключительно на базе изучения речи реэмигрантов и некоторых их хроникальных материалов чешские языковеды Я. Янчакова и П. Янчак, а вслед за ними – в ином, социолингвистическом аспекте – С. Чмейркова.² При этом, рассматривая говоры всего двух населенных пунктов на Житомирщине

¹ См. Мячина, З. И., *Очерк языка чешского говора села Малая Зубовщина на Украине*. Автореферат... канд. филол. наук. Ин-т языкознания АН БССР, Минск 1974. Диссертации предшествовал ряд статей автора о фонетических и морфологических особенностях данного говора с образцами текстов.

² См. особенно: Jančáková, J. – Jančák, P., *Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny*, Praha 2004; Чмейркова, С., Они наши или чужие? О репатриации волинских чехов, in: *Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы*. Отв. ред. Г. П. Нецименко, Москва 2006, кн. 2, 3-29.

(С. Чмейркова – только Малой Зубовицины, Я. Янчакова и П. Янчак – также обладавший своими особенностями говор соседнего села Малиновки), названные авторы нередко определяют реконструируемый ими идиом как «украинский чешский» (*ukrajinská čeština*) или «язык/речь украинских чехов». Поскольку, однако, другие чешские говоры на Украине лингвистически не исследованы – хотя на основании исторических свидетельств и знакомства с образцами записей некоторых из них³ можно утверждать, что эти идиомы в конечном счете возводятся к северо-восточному чешскому диалекту,⁴ – приходится признать, что исчерпывающей картины «украинского чешского» мы на сегодняшний день не имеем.

В 2009-2013 годах рабочая группа Российского государственного гуманитарного университета во главе с автором данной статьи занималась полевым исследованием двух чешских говоров в России: на Северном Кавказе – на территории Краснодарского края, в селах Кирилловка (и соседних с ней) и Варваровка, входящих соответственно в состав муниципальных образований Новороссийск и Анапа, и в Западной Сибири – в деревнях Репинка, Новоградка и Воскресенка Калачинского района Омской области. Опрос информантов проводился в жанре нарративного интервью, как его вслед за Ф. Шютце

³ Ряд аудиозаписей речи волынских и других украинских чехов размещен на сайте архива *Paměť národa* ([online: <<http://www.pametnaroda.cz/category/detail/id/64>>]); 45 страниц записей спонтанной чешской речи жителей села Новгородковка Мелитопольского района Запорожской области (до 1946 г. – Чехоград) с описанием их говора на 30 страницах содержит дипломная работа *Mykhaylova, K., Mluva Čechů v Čechohradě na Ukrajině a její vztah k východní české nářečí*. Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, Brno 2006. В январе 2014 г. свои аудиозаписи из Чехограда и села Веселиновка Березовского района Одесской области любезно предоставила нам корреспондент Чешского радио Милена Штрафелдова (некоторые другие записи с Украины звучали в ее радиорепортажах). Наконец в мае 2014 г. мы смогли составить собственное представление о речи чехов из Чехограда/Мелитополя, а также из Крыма (Симферополь и село Лобаново – ранее Богемка – Джанкойского района), взяв интервью у крымских гостей ежегодных Дней чешской культуры в Новороссийске.

⁴ Выходцами из Восточной Чехии, видимо, были в основном и колонисты, поселившиеся в 1862 г. на территории Белоруссии. «Наиболее распространенными фамилиями в этих чешских колониях были: Протывенски, Тихи, Старек, Воженилек...», – сообщается в публикации Филота, Н. М., Чешский и словацкий этносы в истории Беларуси (XIX – начало XXI в.), in: *Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы международной научно-практической конференции*, Минск 2011, 219-223. Показательны данные сайта <http://www.kdejsme.cz/> о распространении последней из этих фамилий в современной Чехии: из 384 ее носителей большинство распределено между городами Пардубице – 69, Грдец Краков – 41, Хрудим – 30 (не считая Праги). В городе Пршелоч Пардубицкого края живет еще 9 носителей этой фамилии и двое Протывенских (из троицы на территории ЧР).

определила С. Чмейркова.⁵ Собранный материал, результаты обработки которого нашли отражение в ряде наших публикаций,⁶ позволяет достаточно полно охарактеризовать оба эти идиома, которые, по всей видимости, являются единственными сохранившимися поныне островными чешскими говорами к востоку от территории Украины. Вместе с тем в истории их формирования все еще остается немало «белых пятен», на которых мы хотели бы сосредоточиться.

Чешские колонии на Северном Кавказе, на территории Черноморского округа и Кубанской области Российской империи, возникали со второй половины 1860-х годов в связи с потребностью освоения земель, обезлюдевших после Кавказской войны. В период с 1868 по 1900 год здесь было образовано полтора десятка чешских и смешанных чешско-русских поселений: Георгиевские хутора (современная Анастасиевка) в горах за Туапсе, Варваровка и Павловка под Анапой, Кирилловка, Мефодиевка, Владимировка, Борисовка, Глебовка, позже Гайдук под Новороссийском, Адербиевка, Текос и Тешевс возле Геленджика, хутора Дукмасов, Средний и Мамацев (последний сейчас находится в Республике Адыгея).⁷ В наши дни лишь два из них, Кирилловка и Варваровка (вместе с Павловкой, слившейся с ней в 1960-е годы), остаются местами компактного проживания потомков чешских переселенцев того времени, не утративших свой говор. Активных носителей этого говора в Кирилловке и Варваровке, включая переехавших на постоянное жительство в соседние населенные пункты, по нашим оценкам, порядка 50 человек, в основном 1920-30-х годов рождения. Откуда переселились в эти края их предки?

⁵ Чмейркова, С., Они наши или чужие? О репатриации вольных чехов, in: *Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы*. Отв. ред. Г. П. Нецименко, Москва 2006, кн. 2, 6-7.

⁶ Скорвид, С. С. – Третьякова, И. В., «Тут жил Кирилл, а там – Мефодий...», или Чехи под Новороссийском, in: *Язык, сознание, коммуникация* 38 (2009), Москва, 40-54; Скорвид, С. С. – Поляков, Д. К., О проницаемости грамматической системы в ситуации межъязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе, in: *Исследования по славянской диалектологии* 16 (2013), Москва, 305-337; Скорвид, С. С., Говор потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе как пример лингвоареального дрейфа, in: *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации*, Москва 2013, 554-568; Скорвид, С. С., Говор чехов Среднего Прииртышья: генезис и своеобразие. *Вестник Омского университета* 69 (2013), № 3, 129-135; Скорвид, С. С., Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири. *Славяноведение* 2014, № 1, 44-58; Скорвид, С. С., О вариативности фамильных именованных потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе и в Западной Сибири. *Вопросы ономастики* 16 (2014), № 1, 63-74.

⁷ См. Пукиш, В., *Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868-2010*, Ростов-на-Дону 2010, 8.

Карел Хотек, первым из чешских исследователей посетивший в 1910 году колонии земляков в тогдашнем Новороссийском уезде (он называет деревни Кирилловка, Глебовка и Владимировка, всего же в Черноморском округе насчитывает 8 чешских поселений), писал: „Čechové tito usadili se tu prostřednictvím českého úředníka v Novorossijsku, jemuž bylo svěčeno kolonisování okolní hornaté krajiny. Nejstarší osadníci jsou zde od let šedesátých a poslední koncem sedmdesátých. Vesměs jsou původu jihočeského, z okolí Budějovic a Písku.“⁸ Информацию Хотека о заселении чехами этого края постарался уточнить и дополнить Ян Ауэрган, побывавший в Кирилловке, Мефодиевке и Владимировке тремя годами позже: „Založení těchto vesnic spadá do let 1869 až asi 1878 [...] Náhodou jmenován byl roku 1867 agronomem černomořského okruhu Čech, Bedřich Heyduk, bratr básníka Heyduka, výtečný odborník, vážený ruskými úřady pro své vědomosti a zkušenosti. Zvláště náčelník černomořského okruhu generál D. V. Pilenko, vážil si Heyduka velice. Heyduk poradil mu, aby některé kraje osídleny byly Čechy.“⁹ Видимо, под «чешским служащим в Новороссийске» у Хотека и подразумевался Бедржих (Фридрих, Федор) Гейдук, сыном которого, „ранет hospodářským radou Jaroslavem Feodorovičem [так! – прим. авт.] Heydukem“, и другими, не названными земляками в Новороссийске и окрестностях¹⁰ Яну Ауэргану было сообщено немало новых сведений. Вероятно, опираясь на эти данные, он значительно расширил – в основном в восточном направлении – географию районов, из которых чешские крестьяне переселялись на Кавказ: „Nejvíce vystěhovalců přijelo z jižních Čech z Budějovicka, Písecka a Táborska, mnozí byli však také z Chrudimska, Vysokomýtska, Čáslavska, Královéhradecka i odjinud.“¹¹ Наконец, впуск Б. Гейдука в письме Новороссийскому историческому музею от 12.06.1972 г., фрагмент которого приводит в своей монографии В. Пукиш, указывал, что «в пяти больших чешских деревнях – Глебовке, Кирилловке, Мефодиевке, Владимировке и Варваровке, основанных по инициативе его деда, – поселились выходцы из Скутецкого и Глинецкого округов».¹² Все это дало автору монографии почву для таких допущений:

«Обращает на себя внимание, что многие чехи переезжали на Кавказ из областей, имевших какое-либо отношение к семье Гейдуков. Так, замок Рыхм-бурк-у-Скутче, где родился Б. Гейдук, расположен между Хрудимом, Высоким

⁸ Chotek, K., Čechové na Kavkaze. *Národopisný Věstník Československý* 1910, č. V, 202.

⁹ Auerhan, J., *České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze*, Praha 1920, 53.

¹⁰ Там же, 52.

¹¹ Там же, 54.

¹² Пукиш, В., *Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868-2010*, Ростов-на-Дону 2010, 27.

Мытом и Глинском. Что же касается Южной Чехии, откуда также прибывали переселенцы на Кавказ, то в гг. Млада Вожице, Табор и Писек жили братья Б. Гейдука Франтишек и Адольф. Это дает основания предположить, что Гейдуки развернули широкую агитацию по переселению на Кавказ среди своих ближайших земляков. Однако Б. Гейдук агитировал переселяться на Кавказ даже тех чехов, которые к тому времени жили в Крыму. Процитируем дело *О прибывших в Крым чехах* от 21 июня 1868 г., хранящееся в Государственном архиве Автономной Республики Крым: «Скоро в Симферополе будет проездом чех из Черноморского округа (служащий, агроном) Гейдук. Он объяснит многим переселенцам положение о заселении Черноморского округа. Кроме всего, несколько семейств чехов, находившихся в Симферополе, изъявили желание поселиться в Новороссийске. Чехам было разрешено по несколько семей переселяться через Керчь и Тамань (с сохранением повозок и рабочего скота...»¹³

Реальную роль Бедржиха Гейдука, основоположника современного виноделия на Черноморском побережье Северного Кавказа, в чешской крестьянской колонизации этих территорий в наши дни уже трудно установить. Представляется, однако, невероятным, чтобы он, с 1864 года работавший в Российской империи (в Харькове, затем в Полтаве), агитировал земляков в местах своего рождения переселяться в район Новороссийска и Анапы. Едва ли занимался этим и его брат, поэт Адольф Гейдук, в 1860-1899 годах учительствовавший в гимназии в Писеке, который только в 1884 году навещил Бедржиха в Новороссийске и год спустя издал навеянный этой поездкой цикл *Из путешествия на Кавказ (Z prouti na Kavkaz)*. Остается добавить лишь, что в семейных воспоминаниях представителей старшего поколения нынешних северокавказских чехов о переселении их предков не фигурирует ни одна из названных выше местностей на северо-востоке Чехии; напротив, как сообщается в монографии В. Пукиша и на сайте архива *Paměť národa*,¹⁴ в связи с историей заселения Варваровки/Павловки упоминаются районы западночешских городов Клатовы и Супице, наши же информанты в Кирилловке чаще всего называют окрестности города Ческе-Будеёвице (Писек и Табор в их рассказах не встречаются).

Так, Мария Владимировна Сисель (*Sysel*, по мужу Чехова – *Čechová*),¹⁵ родившаяся в 1925 году в Борисовке, на вопрос, откуда родом ее предки, отвечает:

¹³ Там же, 28.

¹⁴ Там же; [online: <<http://www.pametnaroda.cz/story/svec-vaclav-janovic-1917-456>>].

¹⁵ Ровесник в Кирилловке называет ее по-южночешски *Mán'a Sislu* и *Mán'a Čechí*, уточняя: *má familiji Čech*.

„S Českejch Buďejic. [...] Ne s celejch Českejch Buďejic, a něhďe tam ... já si to nepamatuju ... nu, babička to viprávjela, babička, a praďedoušek i prababička přijeli. To bil rok tisíc vosum set šedesát pátej nebo šedesát šistej, šedesát sídmej, vot f tuhletich rokáh bilo.“ Причины переселения чехов и их путь она описывает так: „A ten čas akorát fšeckích i s Čech, i Němci, fšeckí zasílali sem do Ruska d'elat, protože lidí málo bilo, a pola hodně, i nado bilo do... jako do Krimu [...] sázat vin'ice. Tak jeli jako do toho Maďarska i sem na Rusko, na hran'ici polskou, přes Karpáti i sem aš do toho ... přijeli do Krimu. A do Krimu přijeli – a tam už bili Tatari ... jak ten ešče [...] náš Suvorof, vot ... jak vihnal tech Tatarú ... tích Turkú, a zvostali jen 'Tatari, a 'Tatari uš načali tam vin'ice d'elat, fšecko – že tadi ne, nesmí d'elat vin'ici, teť jenom na Kafkas sem jet.“ И в другом интервью: „a mn'eli bričku a dvje pari ko-n'í [...] tak jeli aš sem do toho ... přijeli do Novorosijska ... nu dávali tam ... hnet Methodejka, je Methodejka, tam dávali ... nu tam že jako hori, nejsou lesa – a tadi že sou lesa, tak jako tadi dali jim, nu i d'edoušek, praďedoušek jako můj, ten jako vibrál si jako místo.“

При всей наивности и сбивчивости этого повествования, как и несколько неточной датировке событий, в нем обращает внимание переключка с процитированным выше документом из крымского архива и вообще «фоновое» знакомство рассказчицы с обстоятельствами чешской колонизации Крыма, о которых она не могла узнать из литературы.¹⁶ Известно, однако, что в Крыму уже с начала 1860-х годов селились выходцы из северо-восточных областей Чехии (что подтверждает и речь их современных потомков, как будет показано ниже); между тем М. В. Сисель хотя и утверждает, что ее прадед „bil aš nehde s polskejch hran'ic“, но служил на юге Чехии конюхом у отца прабабки недалеко от города, название которого она произносит точно так же, как его коренные жители: „Budejice“. Южночешские диалектные черты отчетливо проступают и в речи остальных наших информантов, в том числе тех немногих, которые связывают свои корни с Моравией. Например, Мария Владиславовна Коваль из Кирилловки (родившаяся в 1935 году в Варваровке) сообщает: „přijeli sme jako z Brna¹⁷ ... prababička přijela votad ze svojí simjóu“, а фамилия этой прабабушки,

¹⁶ См., например, Auerhan, J., *České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze*, Praha 1920, 41-42.

¹⁷ Также в опирающихся на устные рассказы материалах о возникновении села Текос близ Геленджика (см., например, Пукниш, В., *Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868-2010*, Ростов-на-Дону 2010, 32) бытует аналогичная версия о моравском происхождении ее основателей – чехов, что совершенно невероятно, поляков «из Бърна», как сообщила уроженка Текоса А. П. Петина (в детстве Малиборская, 1932 г. р.) в личной беседе А. Платоновой, шутке текосского поляка Франца Маркса и чешки Ашны Кучеры, в 1933 г. в ходе кампании раскулачивания соевладельцев в Сибири. Так как после трагических событий 1930-х годов

как и девичья фамилия нашей собеседницы, была, по ее словам, „Hrachní“.¹⁸ Рассказ М. В. Коваль о пути ее предков на Кавказ не содержит таких географических и исторических подробностей, как описание М. В. Сисель, однако имеет некоторые точки соприкосновения с ним и в еще большей степени с описаниями других информантов: „a jeli votát celej rók, na ... na volách, na kravách ... krávu podojí, pojí a jedou dál [...] přijeli – tadi jim slibovali zlatí hori, a von’i přijeli do lesa, n’ihde n’ic ... vikopali si z’eml’áněčku, tam (u) tej z’eml’áněčk’e i žili.“

В рассказах Владислава Павловича Кабрды (1931 г. р.) Моравия выступает скорее как фольклорный образ. Так, он убежден, что его дед был „s Moravi, jo ... von ešte spíval písničku [...] Šavlenka broušená na obje dvje strani, ona mn’ě viseká z Uhr do Moravi“, но при этом не знает, что такое Uhry, да и Моравию представляет себе расплывчато как некий легендарный край, сопрягающийся с Чехией. Совсем недавно его дочь И. Третьякова выяснила, что его дед родился в 1852 году в местечке Ямы у города Ждяр-над-Сазавоу на Высочине, которая действительно связывает юго-восток Чехии с юго-западом Моравии, однако историю переселения семьи деда на Кавказ В. П. Кабрда излагает на диалекте с типично южночешскими – не моравскими – чертами, такими как фразовый перенос ударения на предпоследний слог в форме *vodve’zli*, спирализация начального согласного в местоимении *hdo* и др., но также с русским гласным [ы] после губного согласного и множеством морфосинтаксических русизмов: „Ďedouška votteť vodve’zli – jemu byl rok.¹⁹ Cestu mn’eli modz dlouhou, to nen’í jako teť, že možno sem i za rok přiject. Dřív ... přes potok mosti nebili. To nado bilo ... jeli – krávama táhli vás ten, kráva ... hdo tág, hdo voslička mn’el, hdo kon’ička mn’el, hdo co. Jedou, jedou – nu, pješki dou. Pjekní místo si našli, zastavili se, vikopali si z’iml’ánki, skopali zém, požíli tam, ponasázeli si, co chtěli – i zas se sebrali i zaz do cesti ... Jeli sem aš tři roki. Jeli s Čech, s Moravi sem.“

Приведем для сравнения фрагмент рассказа Евгении Тимофеевны Ружечко (1926 г. р., чешское имя *Božena*, девичья фамилия Ясан – *Jasan[ová]*), в котором Моравия не упоминается: „jak naše rodiče viprāvjeli trošku, neco si pomatujem ... jak von’i sem přijeli a jak se tadi rospoložili, jak tadi visekávali lés a stavjeli si ti palátki, a pak ... a diť von’i sem přijížděli na furách, na kon’ích, s Čech jeli, aha ... nu

чешская речь в Текосе перестала звучать, эта версия уже не поддается лингвистической проверке.

¹⁸ В русскоязычном дискурсе в Кирилловке эту нашу информантку с украинской (по мужу) фамилией часто называют по-южночешски «тетя Маша Ковалью».

¹⁹ В. П. Кабрда полагает, что его предки переселились в Россию еще в 1850-е годы, что не подтверждается фактами: как стало известно из книги записей о рождении в Ямах, последний ребенок – дочь – в семье родителей его деда появился на свет еще здесь в 1868 году.

a potom už si sem vzali sví ... jak se říká, rodinu po česki, jo...“ Как нетрудно видеть, все эти истории с вариациями повторяются; по существу перед нами предстают различные версии в значительной мере мифологизированного сюжета, впрочем, не лишённые и известной исторической подоплеки. Местами они поразительным образом напоминают описание одного из путей переезда (восточно) чешских колонистов в Крым, которое в 1910 году приводил, явно также опираясь на имевшие уже фольклорный характер устные рассказы, уроженец Чехограда, впоследствии баптистский проповедник Ян (Иван Васильевич) Непраш:

„Na jaře [1862] začalo hnutí. Několik rodin se dalo přes Černovice, hlavní město Bukoviny. Bídňá cesta to byla. Trvala celých osm týdnů. Malé vozíky, tažené zřídka koníkem, většinou však buď psy anebo samými hospodáři, převážely většinou jen to nejpotřebnější, sami však cestující prodělali celou tu cestu pěšky. Z Černovic se dali rovnou cestou na Cherson, potom přes Dněpr na jih, až dosáhli svého cíle – hlavního města krymského Simferopolu.“²⁰ Объяснимы ли эти совпадения не только – безусловно действующими здесь – законами фольклорного жанра?

Прежде всего, следует считать установленным, что в районы Новороссийска и Анапы переселялись преимущественно выходцы из южных и западных областей Чехии, историческую связь с которыми отражают как семейные воспоминания большинства их современных потомков, так и особенности местного, бесспорно юго-западночешского по происхождению, говора. Возможно, позже к ним присоединялись другие группы чешских колонистов из числа тех, которые, начиная с 1862 года, двигались через юг Украины в Крым, откуда часть их перебралась под Мелитополь и в 1869 году основала поселение Чехоград. Во всяком случае, Ян Непраш в 1910 году писал: „Osada Čechohrad má dnes 102 dvory a 575 obyvatelů. Asi 50 rodin se již vystěhovalo do Ameriky, na

²⁰ Nepraš, J., Čechové na Krymu i osada Čechohrad. *Informační věstník občanského sdružení EXULANT* 25 (2008), č. 1, 12. Это описание, по первоисточнику 1910 года, повторяет и Auerhan, J., *České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze*, Praha 1920, 42. Второй очерченный обоими авторами путь передвижения чешских колонистов в Крым, из венгерского в то время города Базиаш на пароходах по Дунаю, а затем по Черному морю до Одессы и далее, который – с продолжением до Новороссийска – Э. Д. Валечка в брошюре 1871 года рекомендовал также желающим переселиться на Кавказ (см. Пукиш, В., *Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868-2010*, Ростов-на-Дону 2010, 22), в устных рассказах наших информантов никакого отражения не находит. Распространенная в литературе версия о прибытии первых 360 (!) семей чешских поселенцев в Новороссийск в 1869 году пароходами из Одессы также пока документально не подтверждена.

Кавказ а v posledním čase i na Sibiř.“²¹ Вероятно, притоком на Кавказ некоторых переселенцев с территории Крыма и Украины можно объяснить появление на старых чешских кладбищах во Владимировке и Глебовке надгробий с протестантским символом чаши (чехи Северного Кавказа являлись преимущественно католиками, тогда как в Таврической губернии, по данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, среди чехов насчитывалось 97 протестантов;²² еще большей была их доля на юге Украины и на Волыни). Вот как прокомментировал автору данной статьи снимок одного из таких надгробий известный исследователь чешских эмигрантских евангелических общин в Польше, на Украине и в России Александр Дрбал в частном письме от 29.06.2013 г.: „Když jsem uviděl fotografii náhrobku Matěje Hájka, tak jsem si vzpomněl, že Hájkovi byla známá evangelická rodina na jižní Ukrajině, navíc spojená příbuzenskými vztahy s rodinou mé manželky z otcovy strany (Kulhaví). Kromě toho pradědeček mé manželky z matčiny strany Vilém Matějka také žil na Kavkaze, kam přišel s rodinou z Krymu, ale pak se vrátil na jižní Ukrajinu. Je možné, že tyto rodiny tam byly spolu, neboť čeští evangelíci se vždy stěhovali skupinami.“

В то же время чешские переселенцы в Крыму, в Чехограде и далее на Украине, включая волынских чехов, были в основном выходцами из Северо-Восточной Чехии; в Таврической губернии, согласно данным Непраша и Ауэргана, поселялись чехи „z okresů ústeckého, litomyšlského, vysokomýtského, rychnovského a lanškrounského“.²³ Однако на общем юго-западночешском характере говора чехов в Черноморском округе пополнение их числа носителями первоначально восточночешских говоров, если таковое имело место, сколько-нибудь заметным образом не отразилось.

Как ни трудно пытаться реконструировать исходное состояние того или иного переселенческого диалекта на основании современных записей речи носителей говора-преемника, можно утверждать, что в северокавказском чешском (СКЧ) не получили распространения особенности, характерные для генетически северо-восточночешских говоров Крыма, Чехограда (и вообще Украины), а также Западной Сибири, такие как: дифтонгизация в случаях типа *cejtít* и в лексеме *zejma* (в СКЧ *cítít, zima*), краткость гласных в глагольных формах *tn'et, můžete* и в суффиксах существительных типа *tatínek* (в СКЧ *mít, můžete*,

²¹ Nepraš, J., Čechové na Krymu i osada Čechohrad. *Informační věstník občanského sdružení EXULANT* 25 (2008), č. 1, 14.

²² Суханек, А., Языковая ситуация в чешских поселениях в Крыму, in: *Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов*. Ред. Т. Гузаиров и др., Тарту 2013, 388-391.

²³ Auerhan, J., *České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze*, Praha 1920, 41.

taťínek), утрата **v** перед **i** с сопутствующими изменениями в глаголе *pojdat* (и в форме *neim*), а также в окончании форм дательного и местного падежей единственного числа существительных мужского рода типа *dědečk^oj* (в СКЧ скорее *poudat, nevím/nevim, dědoušk^ovi* и даже *dědoušk^ovu*), диссимилятивные явления в случаях типа *portle* (из *portrét*) 'фотография', *písmička* (в СКЧ *písn'ička*), инфинитивы *dít, najdít* (в СКЧ /j/it, najít), формы творительного падежа единственного числа существительных мужского рода на **-a** типа *Frantem* (в СКЧ *Frantou*) и т.д. Говорящие на СКЧ, несмотря на возможный приток новых поселенцев не южночешского происхождения, сохранили семейно-притяжательные формы на **-ú/-u**, выступающие также в роли внутриобщинных фамилий лиц обоего пола и названий семьи ([*babička*] *Hrachú; já vím, že Kabrdu sou takoví*), которые в наши дни фиксируются как господствующий тип на относительно небольшой территории между городами Прахатице, Страконице, Табор и Йиндржихув Градец²¹ (в говорах чехов в Крыму, Чехограде и других генетически восточнечешских подобные формы – только мужского рода единственного числа), как и юго-западнечешские застывшие формы притяжательных прилагательных на **-ovo/-ino** (*taťínkovo tamka, tamkino tamka*). Правда, некоторые явления, отмечаемые в СКЧ, присущи скорее северо-восточным чешским говорам, чем юго-западным: это, во-первых, образование всех форм множественного числа одушевленных существительных от основы с чередованием (*mn'el tři kluci, deset pjeknejch klucí, zas ke klucím* и т.д.), которое, впрочем, связано с общим разрушением плана выражения одушевленности существительных во множественном числе во всех чешских переселенческих говорах от Волыни до Сибири, и, во-вторых, частое губно-губное произношение согласного **v**, а соответственно и отождествление его с неслоговым **u** в дифтонгах, что засвидетельствовано уже в старой надгробной надписи на кладбище во Владимирове: „Zde otrosuvaji Anton Nemes ze zvoí manzelk^oy Mariy a ze zvoí rodin^oy.“ Поскольку, однако, такая реализация **v** имеет явные украинские параллели и наблюдается также в русской речи носителей СКЧ, это явление, несомненно, развилось в результате давних контактов их говора с бытовавшим на Черноморском побережье и на Кубани смешанным украинско-южнорусским идиомом, известным под названием «балачка». В других же рассматриваемых нами чешских переселенческих говорах губно-губное произношение **v** следует считать исконной северо-восточнечешской диалектной чертой, сохраненной

²¹ Ballar, J. et al. (ed.), *Český jazykový atlas 4*, Praha 2002, 330, mapa č. 222.

в благоприятствующих этому условиях воздействия украинской или украинизированной языковой среды.²⁵

Итак, в целом, хотя юго-западночешский генезис СКЧ не вызывает сомнений, на этот идиом, видимо, можно распространить вывод Я. Янчаковой и П. Янчака, сделанный ими в отношении генетически северо-восточночешского вольнского говора сел Малая Зубовщина и Малиновка на Житомирщине: „Do zmíněných obcí přicházeli zajiště i emigranti z jiných míst v Čechách (a v jednotlivých případech i z Moravy) a mluva v osidlovaných obcích nebyla tedy původně jednotná. Teprve v průběhu dalšího vývoje, soužitím v izolaci, docházelo k vnitřnímu vyrovnávání individuálních rozdílů a vývoj dospěl k vcelku jednotnému úzu, utváření dominantní složkou kolonizace.“²⁶

Иной характер имеет говор потомков чешских переселенцев в Западной Сибири, проживающих в деревнях Репинка, Новоградка и Воскресенка в составе Репинского сельского поселения Калачинского района Омской области и в самом городе Омске. В терминологии, выработанной в рамках немецкой переселенческой диалектологии в СССР, этот чешский идиом относится не к «говорам метрополий» (Mutterkolonien), а к «говорам выселков» (Tochterkolonien), которые, как писал В. М. Жирмунский, «происходят от [...] диалектов соответствующих метрополий и в первую очередь должны быть сопоставлены именно с ними».²⁷ Что, однако, следует считать метрополией для названной колонии в Среднем Прииртышье?

По-видимому, первым из чешских авторов о ее существовании упомянул в 1925 году Станислав Клима: „Blíže města Omska založili si vystěhovalci z Čechohradu na Krymu [так! – прим. авт.] obec Novohrad (100 Čechů)“.²⁸ Все три деревни названы в коллективной монографии 2003 года о репатриации чехов из Казахстана (со ссылкой на информацию служившего в 1990-х годах в Омске словацкого священника П. Ондика). Об истории и современном состоянии этой общины здесь сказано: „Krajané do této oblasti přišli na počátku dvacátého století, přibližně v roce 1903, patrně z Volyňské gubernie. V současné době jich

²⁵ Ср. Чмейркова, С., Они наши или чужие? О репатриации вольнских чехов, in: *Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы*. Отв. ред. Г. П. Нешиченко, Москва 2006, кн. 2, 22: «В результате контакта с украинской языковой средой северо-восточночешские диалектные фонетические и морфологические черты еще более усилились. И в украинском “v” тоже произносится как билабиальная [...]».

²⁶ Jančáková, J. – Jančák, P., *Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny*, Praha 2004, 25.

²⁷ Жирмунский, В. М., Проблемы переселенческой диалектологии, in: *Избранные труды. Общие и германское языкознание*, Сост. В. М. Жирмунский, Ленинград 1976, 493-494.

²⁸ Klíma, S., *Čechové a Slovinci za hranicemi*, Praha 1925, 142.

в благоприятствующих этому условиях воздействия украинской или украинизированной языковой среды.²⁵

Итак, в целом, хотя юго-западночешский генезис СКЧ не вызывает сомнений, на этот идиом, видимо, можно распространить вывод Я. Янчаковой и П. Янчака, сделанный ими в отношении генетически северо-восточночешского вольнского говора сел Малая Зубовщина и Малиновка на Житомирщине: „Do zmíněných obcí přicházeli zajisté i emigranti z jiných míst v Čechách (a v jednotlivých případech i z Moravy) a mluva v osídlovaných obcích nebyla tedy původně jednotná. Teprve v průběhu dalšího vývoje, soužitím v izolaci, docházelo k vnitřnímu vyrovnávání individuálních rozdílů a vývoj dospěl k vcelku jednotnému úzu, utvářenému dominantní složkou kolonizace.“²⁶

Иной характер имеет говор потомков чешских переселенцев в Западной Сибири, проживающих в деревнях Репинка, Новоградка и Воскресенка в составе Репинского сельского поселения Калачинского района Омской области и в самом городе Омске. В терминологии, выработанной в рамках немецкой переселенческой диалектологии в СССР, этот чешский идиом относится не к «говорам метрополий» (Mutterkolonien), а к «говорам выселков» (Tochterkolonien), которые, как писал В. М. Жирмунский, «происходят от [...] диалектов соответствующих метрополий и в первую очередь должны быть сопоставлены именно с ними».²⁷ Что, однако, следует считать метрополией для названной колонии в Среднем Прииртышье?

По-видимому, первым из чешских авторов о ее существовании упомянул в 1925 году Станислав Клима: „Blíže města Omska založili si vystěhovalci z Čechohradu na Krymu [так! – прим. авт.] obec Novohrad (100 Čechů)“.²⁸ Все три деревни названы в коллективной монографии 2003 года о репатриации чехов из Казахстана (со ссылкой на информацию служившего в 1990-х годах в Омске словацкого священника П. Ондика). Об истории и современном состоянии этой общины здесь сказано: „Krajané do této oblasti přišli na počátku dvacátého století, přibližně v roce 1903, patrně z Volyňské gubernie. V současné době jich

²⁵ Ср. Чмейркова, С., Они наши или чужие? О репатриации вольнских чехов, in: *Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы*. Отв. ред. Г. П. Нещименко, Москва 2006, кн. 2, 22: «В результате контакта с украинской языковой средой северо-восточночешские диалектные фонетические и морфологические черты еще более усилились. И в украинском “v” тоже произносится как билабиальная [...]».

²⁶ Jančáková, J. – Jančák, P., *Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny*, Praha 2004, 25.

²⁷ Жирмунский, В. М., Проблемы переселенческой диалектологии, in: *Избранные труды. Общие и германское языкознание*, Сост. В. М. Жирмунский, Ленинград 1976, 493-494.

²⁸ Klíma, S., *Čechové a Slovinci za hranicemi*, Praha 1925, 142.

v těchto třech vesnicích žije 150-200 (asi 50 rodin).²⁹ В начале 2000-х годов чехов из названных деревень интервьюировала – на русском языке – М. А. Харламова. На вопрос исследовательницы, откуда приехали их предки, они отвечали: «с-украины аткуда-то // худо жыли наверна да говосят где-то ф-сыбири харашо жыть / земли многа / ну-и-так астались тут // здесь-вот дирэвня / здесь хахлы были чэхи-там // чэхи перэшли дальшэ / так абразавалась навахратка», но также: «отец з-бисарабии а-мать с-крыма / издалика / эта ф-читвёртом наверна не-е подождити ф-шыстом наверна или сидьмом ходах / так // давно». ³⁰

Нами из 86 жителей Репинского сельского поселения, заявивших себя чехами в ходе переписи 2010 года, было опрошено 16 активных носителей местного чешского говора 1930-1950-х годов рождения. В качестве территории, откуда их предки прибыли в Сибирь, наши собеседники указывали не Украину вообще, а конкретно Запорожскую область и, еще точнее, Мелитопольщину. Например, Зинаида Васильевна Яндер (1938 г. р., Репинка): „nu i tadi potom [...] našim prádedam nařezávali zem, i vot von' i se fšelali, fšelali ... n'áci bili na Ukrajině a n'áci v Záporo-... nu to je z Záporožja popríjízdeli;“ Мария Иосифовна Киселёва (урожд. Вондра, 1947 г. р., Новоградка): „i našli sme tu ves'ici M'elitopol, hde vot naše žili rodiče, a [...] taki říkají ne M'elitopol a Novohratka ... jak naše rodiče žili v Novohratce, tak i tam taki říkali Novohratka ... nu, meno vot taková ma.“ Несомненно, речь идет об уже упоминавшемся селе Новгородковка, оно же Чехоград (последнее название также известно сибирским чехам). При этом информанты сообщали, что их „Novohratka je z dvanáctiho roka / vesn'ice“, а само переселение произошло ранее, ср. русскоязычное высказывание Федора Антоновича Шиллера (внутриобщинное имя – Франта Ширел, 1938 г. р., Новоградка): «нашы кажда родители в-дивицот адиньцьтѣм гаду приїехали сюда / ани сразу [т. е. вначале] астановилис' в-чкѣнешникѣском раѣне [...] ф-плитнѣфке [...] а патам ани атуда прыйехали сюда в-васкрисенку / населилис' сразу в-васкрисенке / в-васкрисенке ани нимнохо пажыли / и чехов с-хахлами ни взяла дружба [...] сюда нирэйехали и тут³¹ / аблюбовали места [...] атедз дивицот адиньцьтохо хода / он здес' радился ужэ». Возможно, впрочем, что переезд первых поселенцев в Плетневку или Воскресенку имел место до 1911 года. Во всяком случае, Анастасия Андреевна Вондра (1937 г. р., Репинка) так рассказывает

²⁹ Uherek, Z. et al., *Češi z Kazachstánu a jejich přesídlení do České republiky*, Praha 2003, 26.

³⁰ Харламова, М. А., Этническая самоидентификация и ее показатели в диалектном тексте. Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки 151, кн. 3, 2009, 182

о родителях своей матери (с выразительным губно-губным *v · u*, в том числе на месте исторически твердого *l*): „von'i tadi jako poži'li Uoskrese'nce, nu tadi š ta Nouohratka ešče uesn'ice nebiua, a potom uje'li ... pot Kaláčikem je Pletn'ova [...] uot, i uon'i přijeli jakejch rokách, jak uám říct ... babička biua tisíc uosum set vosumdesát vúsím roku [...] a maminka biua tisíc devjet set pátím [...] maminka se rodiua f Pletn'o'v'e.“

Крым и Бессарабия в наших записях не фигурируют, однако известно, что чешские поселения в Крыму были «метрополией» по отношению к Чехограду, который, в свою очередь, дал начало одному чешскому «выселку» в Бессарабии. Об этом селе, после 1912 года носившем название Голубое (ныне Хулубоя в Кагульском районе Молдовы), в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в статье об уездном городе Измаиле и Измаильском уезде, читаем: «с 1884 г. здесь поселились чехи, прибывшие частью из Чехограда (Мелитопольского у. Таврической губ.), частью из Зубовщины (Киевской губ.), и образовали в И. у. колонию Новоград».³¹ Совпадение этого топонима с одним из вариантов названия чешской деревни в Сибири (в рассказах наших информантов он тоже встречается), скорее всего, только типологическое; тем не менее существование родственных связей между бессарабскими и сибирскими чехами прослеживается – как ни парадоксально, через Казахстан. Авторы цитированной нами коллективной монографии сообщают, что в Западный Казахстан, вначале в город Актюбинск, переезжали чехи из Бессарабии и Чехограда, а в 1911 году ими было основано поселение Бородиновка, куда со временем прибывали также другие родственные им семьи, в том числе из-под Омска, и добавляют: „Během našeho výzkumu jsme se v Aktjubinsku setkali se ženou, narozenou v roce 1918 v Novohradce u Omska na Sibíři, která se s rodiči a sourozenci přestěhovala k příbuzným do Borodinovky v čase hladu v roce 1921 (její matka se posléze do Novohradky vrátila a tam i zemřela).“³² Все эти миграции начала XX века были связаны с политикой развития земледелия в восточных регионах Российской империи, проводившейся правительством П. А. Столыпина.

Среднеприиртышский чешский говор (СПЧ), как и говоры Крыма, Чехограда, или Новгородковки Запорожской области, а также других областей Украины, несомненно, имеет северо-восточночешское происхождение. Разделяя со всеми названными говорами отличительные особенности этой диалектной подгруппы в Чехии (которые мы в основном перечислили и проиллюстрировали

³¹ Брокгауз, Ф. А. – Ефрон, И. А. (изд.), *Энциклопедический словарь*, т. XIIа, Санкт-Петербург 1894, 851.

³² Uherek, Z. et al., *Češi z Kazachstánu a jejich přesídlení do České republiky*, Praha 2003, 24-26.

выше, стараясь показать на их фоне своеобразие северокавказского чешского говора), он тем не менее явно не вполне тождествен «говорам метрополии», если под таковыми в отношении СПЧ понимать «чехоградский» или «крымский чешский». Ввиду того, что чехоградский идиом описан пока только в первом приближении, а крымский совершенно не изучен, задача сопоставления СПЧ именно с ними на данном этапе не может быть решена в полной мере. Позволим себе лишь с осторожностью предположить, с одной стороны, что большая изолированность СПЧ в течение длительного времени могла способствовать лучшему сохранению в нем некоторых архаизмов, стиравшихся в «метрополии» (например, губно-губного **u** на месте твердого **l** или «трифтонга» в окончании дательного и местного падежей единственного числа существительных мужского рода типа *taťínko⁴¹i*), а с другой – что функционирование СПЧ в ином лингвоареальном контексте по сравнению с говором/говорами «метрополии» приводило к усилению различий между ними в области заимствуемой из языка окружения региональной лексики.

Так, интервьюируя информантов, мы интересовались, в частности, какие блюда были у чехов, на чем ездили в прежние времена и т.д. В разговоре о блюдах Раиса Андреевна Лица (1940 г. р., Новоградка) вспомнила: „*nitik taki, todle to bilo český jídlo, nitik ... nepamatujete, nevíte takový, neučili? Kartoški ... tlučou i dají tam ešče mouku, abi se zapařil, a vmístě s eřim, nu, na paru, mouku tam nasipou i rozmíchaj to i na taliř rozmazujou, potom dávaj etot ... maslo toplo'noje i posejraj mak, s sachar'ym...*“ О средствах же передвижения Елена Викторовна Эйхгорн (1951 г. р., Репинка) сообщила: „*i na vozejčkách jeli, i na štrašpankách, na čom n'ě len⁴², a na pros'bu uťocnit' poslednee slovo – „štras“ ... trašpanka ... nu to je ... vozejček to je jak³, dlouhej, a trašpanka, to je jak³ dľa dvouch⁴.* Эти слова (и соответствующие понятия) знакомы также другим носителям СПЧ, тогда как опрошенная нами в 2014 году Людмила Петровна Вагнер, живущая в Симферополе (1950 г. р., из Мелитополя, корни в Новгородковке/Чехограде), их не опознала. Первое из них – старое чешское диалектное слово, известное в окрестностях городов Литомишь, Поличка и других, этимология которого не до конца ясна,³³ а второе – германизм, где начало соотносится с нем. *Sträße* ‘улица, дорога’, а конец с нем. *Bank* ‘лавка, скамья’, распространенный некогда в русском языке жителей Сибири в значении ‘пароконная бричка с деревянным кузовом для повозки зерна’.³⁴ В свою очередь, Л. П. Вагнер на наш вопрос, на

³³ Machek, V. Několik názvů jídel, vážných i posměšných. *Naše řeč* 29 (1945), č. 7-8, 156n.

³⁴ Осипов, В. П. (ред.), *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Приуралья*. Дополнения I, Омск 1998, 137.

чем у них ездили, ответила: „taťinek jezdil [...] na kon'i, na tej bestarce ... [...] bestárka, anebo bidárka... [...] nu, bestárka to bila vélka, dlouhá, na štírech kolách, vepředu bil kún', a bidárka, to bila mali 'nká, na dvouh kolách, vot, i tam sedělo dva človjeka.“ Оба слова – «бестарка» и «бидарка» – бытовали в южных областях европейской части России, в том числе на Кубани, однако северокавказские чехи знают их только пассивно. Как мы помним, их предки „mn'eli bričku“, „přijížděli na furách“ и „krávama táhli vús“, в наши же дни „ešče sem jezdila autem ... nu etim, maršrutkama“, а под старость – „já už nemůžu ... na afto nemůžu zalet“ (М. В. Сисель).

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что в истории переселения чешских крестьян в Российскую империю во второй половине XIX века и их дальнейших перемещений по ее территории необходимо последовательнее разграничивать разные ветви (хотя они со временем могли частично пересекаться). Из них в России после дезинтеграции СССР остались представлены: а) изначально достаточно обособленная северокавказская (причерноморская) ветвь переселенцев 1860-х и позднейших годов из Южной или Юго-Западной Чехии и б) западносибирское отпочкование начала XX века от юго-восточнoукраинской ветви переселенцев из Восточной или Северо-Восточной Чехии. Проследить пути этих миграций и их переплетения во всех деталях в наши дни уже невозможно. Документально удастся подтвердить лишь немногие факты, а устные предания о первых колонистах, фрагменты которых получают и письменную фиксацию в публицистике либо даже в специальной литературе, не обладают должной степенью достоверности. Этническая память современных представителей чешской диаспоры хранит вариации уже скорее мифа о переселении, развивающегося в соответствии с внутренними закономерностями данного жанра.

ABSTRACT

Czech Language Islands in Russia – Branches of History and Ethnic Memory

Sergei Skorvid

The paper focuses on two Czech language communities in the Russian Federation: one in two villages near Novorossiysk and Anapa in the Northern Caucasus;

the other in the Middle Irtysh area in the Omsk Region in Western Siberia. The communities appeared as a result of different waves of Czech rural migration at the end of the 1860s and at the start of the 20th century respectively. The first one has been described by K. Chotek (1910), J. Auerhan (1914) and other authors; nevertheless there are still many blank spots about its early history. The second community was only mentioned by S. Klíma (1925), Z. Uherek et al. (2003) and approached linguistically, along with other communities in Siberia, in terms of their ethnic self-identification, in Kharlamova (2009). This paper is based on the outcomes of field research in the Northern Caucasus and Western Siberia that consisted mainly in interviewing the members of both communities and recording their narratives. The author concludes that, however complex were the paths that brought the Czech immigrants to the Northern Caucasus and the Middle Irtysh area in Western Siberia, the first community preserves its original South Bohemian character; in contrast the second one clearly shows East Bohemian traces.

Key words: Czech communities in Russia, rural migration, Southwestern and Northeastern Czech dialectal zones, Czech Dialects of the Northern Caucasus and the Middle Irtysh Area.